3-й ГОД ИЗДАНИЯ

№ 26

СМЕХАЧ

СЕНТЯБРЬ 1925 Ленинград, Просп. 25-го Октября, 88. Тел. ред. 5-40-78, гел. конт. 5-35-88 Цена 25 коп

СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ

Славгорисполком обязал содержать собак обязательно на цепи и в намордниках и с обязательной надписью на собачьих будках: „Так укрощена и обезврежена отечественная буржуазия и так будет посажена на цепь мировая буржуазия, как сидящий здесь приспешник (или приспешница) капитала".

(«Р. Газета», 191)

Рис. А. Радакова

— Ну, посади на цепь, ну, надень намордник, но за что приспешником капитала облаивать!?..

ИЗВИНИТЕ ЗА ВЫРАЖЕНИЕ, О МЕНЬШЕВИКАХ...

Встретились как-то два старых приятеля. Жили в разных городах и давно не видались. Разговорились, конечно, как кому живется. Оказалось, живут хорошо оба. В делах удачи. ГПУ, хоть и косится чуточку, но не трогает... Фининспектор не притесняет.

— Все-бы хорошо,—заметил один из приятелей,—но сын огорчает, глуп... Попросту сказать, дурак набитый.

— Конечно, это неприятно,—сказал приятель,—но ничего страшного тут нет. Глуп, так глуп для себя. Дурак у себя в доме никому не мешает, и никто про него не знает.

— Вот в том-то и беда,—вздохнул отец дурака,—что не просто дурак, а еще...

— Что еще?

— Видишь-ли, он петь учился...

— И отлично. Пусть поет.

— То-то, что ничего отличного тут нет. Начнет петь, и вся улица моментально узнает, что дурак... И это бы еще ничего. Он не только поет, но еще и студию окончил...

Приятель удивился:

— Помилуй, что-же тут худого?—наоборот...

— В том-то и горе, что наоборот. На сцене играет. Выступит и готово: весь город видит, что дурак. Но это еще не важно. Город маленький, несколько тысяч жителей...

— Еще что нибудь?

— Беда, сам знаешь, не приходит одна. Он юридический факультет кончил и теперь член коллегии защитников. Часто в губернию выезжает. Произнесет речь в Губсуде, и хоть не показывайся — вся губерния уже знает, что у меня сын дурак... Но и не в этом еще вся беда... Он пишет...

— Неужели? Бедный друг!

— Пишет, и так как никто не печатает, то сам издает и в столичные газеты посылает книжки для отзыва. После каждого отзыва, про дурака уже знает весь мир...

То-же самое, почти без всяких вариантов и изменений, можно сказать про меньшевиков.

Ну, дураки... известно, что это неизлечимо, ничего с этим не поделаешь. Если-бы, скажем, Абрамович знал, что он... Абрамович, он, наверное, сгорел-бы со стыда. То-же, конечно, о Дане, об Адлере, о Шейдемане и т. д. Но раз они этого не знают, то и бог с ними. С этим можно было-бы мириться. Дурак у себя в доме—только горе семьи, и никому до этого дела нет.

Но меньшевики еще когда-то учились петь про социализм и любят петь. А запоют—всей улице становится ясно: дураки.

Но это-бы еще ничего. Беда в том, что меньшевики — актеры. Каждый день они ломаются в „Заре“, в „Социалистическом Вестнике“ и других изданиях, выходящих в Париже, и весь городской пролетариат начинает понимать: дураки!

И это-бы еще ничего. Меньшевики всех стран собрались и вступили в члены коллегии защитников „товарища Капитала“.

Недавно они, в пылу защиты интересов своего славного хозяина, сорвали забастовку рабочих в Австрии, и весь пролетариат Европы убедился в том, что они дураки и весьма опасные дураки.

И не в этом еще вся беда. Меньшевики составляют доклады и устраивают съезды в разных странах.

На-днях был такой съезд в Бреславле. Это был съезд меньшевистских профсоюзов.

Меньшевистский профсоюз—нечто вроде нашей старой российской зубатовщины.

Это канал, который, не жалея средств, прорывают американо-европейские банкиры между пролетарским морем и капиталистической лужей.

Назначение канала вполне ясно. Нужно отвлечь пролетариат от пагубных идей большевизма и натравить его могучий поток на колеса капиталистических мельниц, как это было до Ленина, до Октября, до Коминтерна.

Роют почтенные банкиры канал руками Абрамовичей, Данов, Вандервельде, Шейдеманов и других.

На съезде меньшевистских профсоюзов были заслушаны чудесные доклады, к которым меньшевистские вожди, конечно, ничего не доложили и, наоборот, к докладам было кое-что приложено из Нью-Иорка...

Когда на съезд явилась делегация рабочих, посетивших СССР, и пожелала рассказать о том, что видела и слышала в стране пролетариев, ей не дали говорить.

Тут уже весь пролетарский мир узнал про дурака... И тут уже весь пролетарский мир закричал:

— Да, ведь, они идиоты, опасные и вредные идиоты, которых опасно держать на свободе. Ведь, видно: они идиоты.

И действительно: человек, если он меньшевик, то это почти неизлечимо, ибо неизлечима глупость...

Оль

ВСКОЛЬЗЬ

Читал псалмы, апостола,
Звенел монетой по столу,
Был вежлив и речист;
Пролез в кооперацию,
Проделал „операцию“,
Был празднично лучист.
И много было за лето
За белый галстух залито...
Не про него-ль сказали-то,
Что на руку нечист?

М. А.

Рис. Л. Б.

ЦЕНИТЕЛИ

Стрельнинская пожарная команда обратилась к О-ву «Старый Петербург» с просьбою осмотреть старинный возок, который имеется в виду переделать под пожарную линейку.

Возок представляет из себя большую музейную ценность. (Красн. Газ. № 204).

— **Эх! И совсем без дела стоит колонка!**

— **Знамо, без дела! Отдали бы её нам—мы бы её живо под пожарную каланчу приспособили!**

КУРИНАЯ СЛЕПОТА

Изба. Накурено и чадно.
Водя руками по усам,
Толпа крестьян внимает жадно
Предсельсоветским словесам.
—„Робята! Что-ж это такое?
Да рази-ж нам не жаль труда?
Пожить мечтали на покое,
А тут—погибель и беда!
Нет, братцы, врешь—другое время!
Теперь приказ: не дозволять!
Не может иродово племя
Посевы наши истреблять!
Пускай от маток и до бабок
За это самое влетит—
Мы все-же головы им на-бок!
Согласны, братцы?“
—„Действуй, Тит!“

Вопрос ваш будет прям, и меток,
И задан, так-сказать, с плеча:
— Кто-ж насолил крестьянам этак?
Белобандиты? Саранча?
Нет! Не они—причина гнева!
Под слезы деревенских дур,
За „истребление“ посева
Крестьяне истребили... кур!
Заткнувши рот вопившей бабе,
Сказали курам: Руки прочь!
И дали (в волостном масштабе)
Варфоломеевскую ночь!
А приключилось это, други,
Вблизи от города Ветлуги—
При благовесте и огнях—
В селе Садыкове, на-днях.

Вы возразите тоном хмурым:
—„Эй! Брось паясничать! Отчаль!
Да это было-б на смех курам!“
Какое на-смех! На печаль! *)

А. д'Актиль

НА ЛЕКЦИИ.

— К числу благородных металлов...

— Вот, боролись, боролись, а все еще благородные остались! Порядки!..

ВСЕ УДОБСТВА

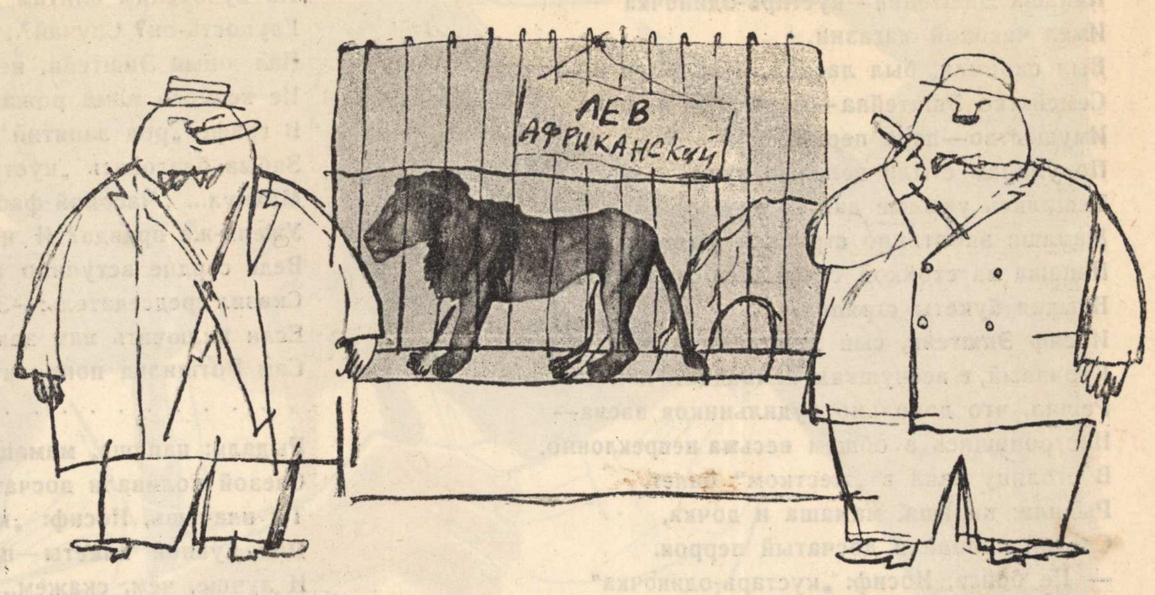
— А квартира эта, действительно, сухая?

— Суше некуда: даже вот водопровод в ней и то специально который год уже не действует-с!

*) А вот—если не верите—газетное сообщение: «Садыковский сельсовет Ветлужского уезда признал всю домашнюю птицу (гл. обр., кур) «вредной для сельского хозяйства, так-как куры ходят в поле и портят посевы», а потому решил всех кур «истребить».

ЗОО-НЭП

Рис. Евл. Надькина.

Царь пустыни. И чего они на меня, подлецы, смотреть пришли? Я на них смотреть должен!

„НА ПОЛЬЗУ РЕСПУБЛИКИ“

В кабинет начальника милиции города Пропадинска вошел старый вор Брыкин, по прозванию Васька Шило.

Всю жизнь честно проработал Василий Брыкин по своей специальности, а был он вор „что надо“, ловкий, изворотливый и „засыпался“ редко.

Но незаметно подползла старость, стукнуло Брыкину полсотни годков, и вот он не у дел на родине, в глухом Пропадинске.

— Вот что, Брыкин—нахмурив брови, говорит нач. милиции старому вору—как ты лицо есть нетерпимое в столицах и вернулся на родину, помни, Брыкин, и знай: пора бросить свои замашки... Я здесь контр-революций этих твоих не потерплю, у меня все на ладони—и город, и население... Стыдись, Брыкин!..

У Брыкина скорбное лицо, руки дрожат, дрожит и голос от волнения:

— Правильно т. начальник... Это я понимаю довольно хорошо... Сами возьмите во внимание, разве здесь по моим столичным специальностям работать возможно?... Себя марать!... Да и я у всех на виду, и остерегается меня всякий... Разве я в силах?... Потому и вернулся на родину, с пользой для республики пожить охота...

— Да ты по какой линии работал-то?...—улыбаясь, спрашивает нач. милиции.

— Я, т. начальник, все перепробовал в своей жизни: был и моргенщиком на курортах, и столичным домушником, в молодости на карманах работал, могу сказать, в своей профессии тонкий спец и стаж имею с 1902 года.

— Так... так.. Тем более, как ты есть теперь в моем ведомстве и под моим наблюдением... Предостерегаю!...

— А у меня к вам просьба, т. начальник... Разрешите, как вернувшемуся и не у дел спецу, ловкость рук показать и свое искусство перед трудящимся элементом обнаружить... Уверен, что пользу принесу республике несомненную и исключительную.

— Пользу, говоришь?... Это похвально, Брыкин!... Излагай свою программу без боязни, как я есть лицо рабоче-крестьянское, довериться мне можешь во всякое время... Садись, Брыкин.

Брыкин плотно садится на стул и говорит не спеша:

— Противу моей шанжировки и ловкости рук, т. начальник, трудно бороться, и по этой самой причине хочется мне искусство свое публично перед всеми гражданами обнаружить и разоблачить, что есть проворство рук, отвод глаз и воровские приемы показать в здешнем рабочем клубе... Разрешите, т. начальник!...

Нач. милиции еще более хмурит брови. А Брыкин вынимает из кармана плотно исписанный лист и отдает его нач. милиции.

Начальник читает:

„Вернувшись на родину, известный вор т. Брыкин (стаж с 1902 года), для пользы хозяйственников и предостережения всех граждан от краж и обманов, даст единственный в гор. Пропадинске сеанс изумительной по красоте работы с разоблачением всех приемов тайного искусства хищения и воровства. Он же, т. Брыкин, покажет ловкость тренированных рук, поразительную работу с инструментами, подробности подходов и вовлечений граждан в невыгодную сделку путем отвлечения внимания через пособника. Ново. Интересно. Полезительно. Каждый гражданин, побывавший на сеансах, гарантирован при поездках в столицы и заграницы от подстерегающих его на каждом шагу жульничеств, подвохов и разнообразных мошенств, вредных для неопытного путешественника. Плата за вход 25 коп. Просят не остерегаться: за честное исполнение номеров ручаюсь. Старый вор и взломщик Брыкин“

Внимательно проштудировав афишу, нач. милиции долго ходит в раздумьи из угла в угол, курит и наконец обращается к Брыкину:

— Конечно, это не предусмотрено декретами, но как я есть ответственное лицо, то и полагаю разрешить тебе исполнение означенной программы. Слушай, Брыкин: хотя ты и вредный элемент, но раз твое искусство идет на пользу республики—разрешаю.

Нач. милиции размашисто надписывает на афише резолюцию и вручает афишу Брыкину. Старый вор кланяется и направляется к двери.

Нач. милиции бросает ему вдогонку:

— Только помни, Брыкин, как ты есть постоянный вор, еще раз предупреждаю, если при опытах случится кража или мошенническая проделка, отвечаешь ты... Понял?... Тогда уж берегись!...

Брыкин глубоко вздыхает и твердо говорит:

— Выгоды нет, тов. начальник... Ежели увлекусь, сразу опомнюсь: по городам республики предполагаю совершить турнэ... На честный заработок перехожу окончательно, потому как стремительность уже не прежняя, и зоркость не та. Хочу поработать на пользу республики.

* * *

Сеанс прошел с огромным успехом: зал был переполнен. Зрители с интересом выслушали небольшой по размерам, но внушительный по содержанию доклад Брыкина, внимательно наблюдали за целым рядом эффектно выполненных воровских приемов, любовались быстротой и ловкостью рук, а „образцовый взлом кассы“ вызвал бурю аплодисментов. На целый ряд вопросов был дан ряд точных ответов. Овациям не было конца.

А на следующий день старый вор получил адрес:

„Мы, местные воры, сказываем товарищеское спасибо Брыкину за показание многих приемов, до сей поры бывших неизвестными ни одному из нас. Еще раз благодарим и некоторыми приемами непременно воспользуемся, как они очень удобны в таком плевом центре, и здесь, действительно, нужна ловкость почище столичной в виду малолюдия. С почтением. Организация“.

К. Милль (Полярный)

СЫН РОТШИЛЬДА

(Провинциальная трагедия)

Папаша Эпштейна—кустарь-одиночка
Имел часовой магазин.
Был скромен, был ласков, был беден и—точка.
Семейство Эпштейна—жена, сын и дочка.
Имущество—пара перин.
По улицам стыли зеленые лужи,
Тащились унылые дни.
Мамаша заботливо стряпала ужин.
Папаша за стойкой сморкался, простужен,
Вдыхая букеты стряпни.
Иосиф Эпштейн, сын Эпштейна Арона,
Курчавый, в веснушках, семнадцати лет,
Решил, что довольно будильников звона—
Настроившись в общем весьма непреклонно,
В столицу взял в „жестком“ билет.
Рыдали: папаша, мамаша и дочка,
Слезой поливали досчатый перрон.
— Не бойся, Иосиф: „кустарь-одиночка“
Для вузной анкеты—похвальная строчка
И лучше, чем, скажем... барон!...
Бом! Бомм!!—Хорошо-ли ты спрятал десятки?
— Фуфайку, фуфайку в дороге надень!
Поплыли: платформа, папаша „в крылатке“,
Газетный киоск, две цветочные грядки
И новый, пленительный день.
Сентябрь золотистый глядел в спину лету
Прохладные утра льнули к зиме.
Иосиф заполнил со вздохом анкету,
И, щурясь навстречу осеннему свету,
По вузовским плитам шагал в полутьме.
Глупость-ли? Случай?.. Но жертвою строчки
Пал юный Эпштейн, нерасцветший талант.
Не всякого мама рожает в сорочке:
В графе „род занятий“ на хитром листочке—
Забыв благодать „кустаря-одиночки“,
Махнул... „Часовой фабрикант“!
Ужели-же правда? И нет ли описки??
Ведь сердце вступило с надеждой в союз!
Сказал председатель:—Забыли о чистке?
Если включать нам заводчиков в списки,
Сам Ротшильд попросится в Вуз!...

. . . .

Рыдали: папаша, мамаша и дочка,
Слезой поливали досчатый перрон.
Ты плачешь, Иосиф: „кустарь-одиночка“
Для вузной анкеты—похвальная строчка.
И лучше, чем, скажем... барон!...

Александр Флит

ДУША ЧЕЛОВЕК

— Наш фининспектор очень чуткий и привлекательный человек...

— Как его зовут?

— Да его и звать не надо: он сам приходит.

В ПОИСКАХ МЕСТА

Рис. А. Юнгера

— Свободное место в шмен-де-фер...
— А ничего, что я не член профсоюза?

ЦАНКОВ НА ОТДЫХЕ или СИЛА ПРИВЫЧКИ

Рис. Л. Бродаты

Возможен уход Цанкова..
Телеграмма.

— Рубаху повесишь—и то легче как-то делается, ей-богу!

ЖДАТЬ—ПОЖДАТЬ

(Сказочка)

Стал Воробышкин в живую очередь зарплату получать. Стал и начал стоять, как честный человек, вперед не лезет. А очередь кишкой тянется и растет не по дням, не по часам, а по минутам.

— Люди зоркие, — спрашивает Воробышкин—не видать-ли уж кассы?

И прикладывали люди с острым зрением ладошки к глазам, в даль всматривались.

— Нет, — отвечают люди зоркие—не видать еще кассы.

А кругом времена меняются, молодое растет, старое старится, и много научных завоеваний в разных странах произошло. А Воробышкин все стоит, не толкается, и живая очередь живет, поживает—нет-нет да подвинется. И спросили люди очередные прохожого дурака:

— Скажи, дурак прохожий, долго-ли, коротко-ли, нам ждать-пождать?

— А ждать-пождать вам, — говорит прохожий дурак—тридцать три минуты и тридцать три года.

А кругом времена опять меняются—молодое выросло, старое перестарело, и еще больше научных завоеваний в разных странах завоевано. А Воробышкин стоит, не толкается, бороду, которая в очереди выросла, поглаживает. А живая очередь живет да поживает—нет-нет да остановится.

— Люди опытные,—спрашивает Воробышкин—отчего очередь остановилась?

— А потому остановилась,—отвечают люди опытные—что кассир на пенсию ушел. Ждем-пождем нового кассира.

Текут зрелые годы Воробышкина в живой очереди. Временам-же на месте не стоится, все меняются—молодое старится, старое на кладбище в травку растет, и крепнут научные завоевания в разных странах. А живая очередь живет да поживает, и вот уже до кассы рукой подать. Стоит Воробышкин, сгорбился, борода седая до пояса, руки ноги трясутся, и видит—в кассе сын его, пионер, сидит.

— Ванюша—зашамкал старик—пионер родной, зачем в кассу забрался?

— Здравствуйте, тятенька, — говорит сын. Только не пионер уж я, а новый кассир здешний, и завтра на мою свадьбу приходите.

И мы на свадьбе были, сорок градусов пили, в рот текло, изо рта вытекало.

К. Мазовский

ДЕННО И НОЩНО

Рис. В Лебедева

— Ну, как вчера день провел?

— Да вчера-ж никакого дня не было... Третьего дня, действительно, был „день юношества". Хорошо провели: 5 докладов сделал.

НАШИ ДЕТИ

— Папа, а спецмолоко от коровы получается?
— Не-ет... от охраны труда, да и то неаккуратно!

ЦЫГАНКА

—Погадаю тебе кучерявый,
Покажи трудовую ладонь,—
Тараторит цыганка лукаво,—
Близко счастье—не проворонь!
Все скажу, что случится, сокол,
Ты, серебряный, больно пригож.
Скоро пост ты получишь высокий,
Ты богато свой век проживешь.
Скоро будет тебе перемена,
Ты получишь письмо, а потом...
Предстоит от смуглянки измена,
Убежит она с лысым купцом.
Неприятность, удар и встреча.
Много денег, крестовый дом,
Ты ускачешь далече, далече
На коне вороном.
Вот носи этот корень на шее,
Сохранит он тебя от врагов.
Будь же, золотцо, ты пощедрее.
Не жалей пару звонких рублев!
Вот она в сарафане цветистом,
Подошла к загулявшей шпане,
На груди зазвенели монисты,
Косы-змеи ползут по спине.
Предсказала цыганка многим
Все что было, что будет вперед,—
А сама по щербатой дороге
С милицейским в участок идет.

Н. Тихомиров

СУД И ДЕЛО

— Читали: в Марокко французские экипажи двух судов стрелять отказались?

— Нда, на этаких экипажах Пенлеве далеко не уедет!

КАНИТЕЛЬ

(совсем по Чехову).

Представители живой церкви считают необходимым в проповедях ссылаться на новейшую литературу. *Из газет.*

На клиросе стоит представитель живой церкви и держит между вытянутыми жирными пальцами ручку с пером, украшенную большим серпом и молотом. Его лоб собрался в морщины, на носу играют пятна всех цветов, начиная с розового и кончая темно-синим. Перед ним—две бумажки. На одной из них написано „О здравии", на другой—„За упокой", и под обоими заглавиями по ряду имен. Около клироса стоит маленькая старушонка с озабоченным лицом. Она задумалась.

— Дальше кого?—спрашивает живой поп, лениво почесывая за ухом.—Скорее, убогая, думай, а то мне некогда.

— Сейчас, батюшка. Ну, пиши. О здравии рабов божиих Демьяна Бедного, Л. Сосновского, Маяковского, В. Мейерхольда, опять же В..

— Постой, не шибко. Не за зайцем скачешь, успеешь.

— Написал Мейерхольда? Ну, таперя Кольцова Михаила, Сейфулину Лидию, Либединского Юрия, Куприна Александра, в эмиграции сущего.

— Постой. Куприн в эмиграции, говоришь?

— В эмиграции,—вздыхает старуха.

— Так как же ты велишь о здравии записывать?—сердится живой поп, зачеркивая Куприна и перенося его на другую бумажку.—Вот тоже еще. Ты говори толком, а не путай. Кого еще за упокой?

— За упокой? Сейчас. Постой. Ну, пиши Мережковского Дмитрия, Гиппиус Зинаиду, Бурцева. Запиши Бунина Ивана... Как перестал писать во время революции, так с той поры и не слыхать.

— Стало быть, он помер?

— А кто-ж его знает? Может быть, помер, а может и жив... Ты пиши.

— Куда же я его запишу? Ежели, скажем, помер, то за упокой, коли жив. то о здравии. Пойми вот вашего брата.

— Гм... Ты, родименький, его на обе записочки запиши, а там видно будет. Да ему все равно, как его ни записывай: непутящий человек, пропащий. Записал? Теперь за упокой. Амфитеатрова фельетониста, Теффи, Толстого Алексея...

— Толстого-то Алексея за упокой? Тю!

— Эго сменовеховца-то за упокой? Ошалел, что ли?

— Тьфу. Совсем ты, кочерыжка, меня запутала. Не помер человек еще, так и говори, что не помер, а нечего в заупокой „Заговор императрицы" пихать. Путаешь тут! Изволь вот теперь Толстого херить, и в другое место писать. Всю бумагу изгадил! Ну, слушай, я тебе прочту. О здравии рабов божиих Демьяна Бедного, Мейерхольда Всеволода, Эренбурга зарубежного.. Постой. Как же сюда этот Эренбург попал? Зарубежный, и вдруг о здравии?! Нет, запутала ты меня, убогая. Бог с тобой, совсем запутала.

Представитель живой церкви крутит головой, зачеркивает Эренбурга, и переносит его в заупокойный отдел.

— Слушай. О здравии Сейфулиной Лидии, Кольцова Михаила. Кого еще?

— Пильняка Бориса записал?

— Пильняка? Гм. Бориса Пильняка—пересматривает живоцерковец обе бумажки:—Помню, записывал его, а теперь... Шут его знает. Никак не найдешь. Вот он! За упокой записан.

— Пильняка-то за упокой? — удивляется старуха:—В попутчиках числится, лойяльность оказывает, а ты на него смерть накликаешь. Сам вот, сердешный, путаешь, а на меня злобишься. Ты с молитвою пиши, а коли будешь в сердце злобу иметь, то бесу радость. Это тебя бес хороводит да путает.

— Постой, не мешай.

Поп хмурится и, подумав, медленно зачеркивает на заупокойном листке Пильняка. Перо на букве „Ь" взвизгивает и дает большую кляксу. Поп конфузится и чешет затылок.

— Пильняка, стало быть, долой отсюда,—бормочет он смущенно,—а записать его туда. Так? Постой. Ежели М. Булгакова туда, то будет о здравии, ежели же сюда, то за упокой. Совсем запутала баба. И этот еще И. Бабель встрял сюда. Шут его принес. Ничего не разберу. Надо сызнова.

Поп лезет в шкапчик и достает оттуда осьмушку чистой бумаги.

— Выкинь Бабеля, коли так — говорит старуха. — Уж бог с ним, выкинь.

— Молчи.

Поп медленно макает перо и списывает с обеих бумажек имена на новый листок.

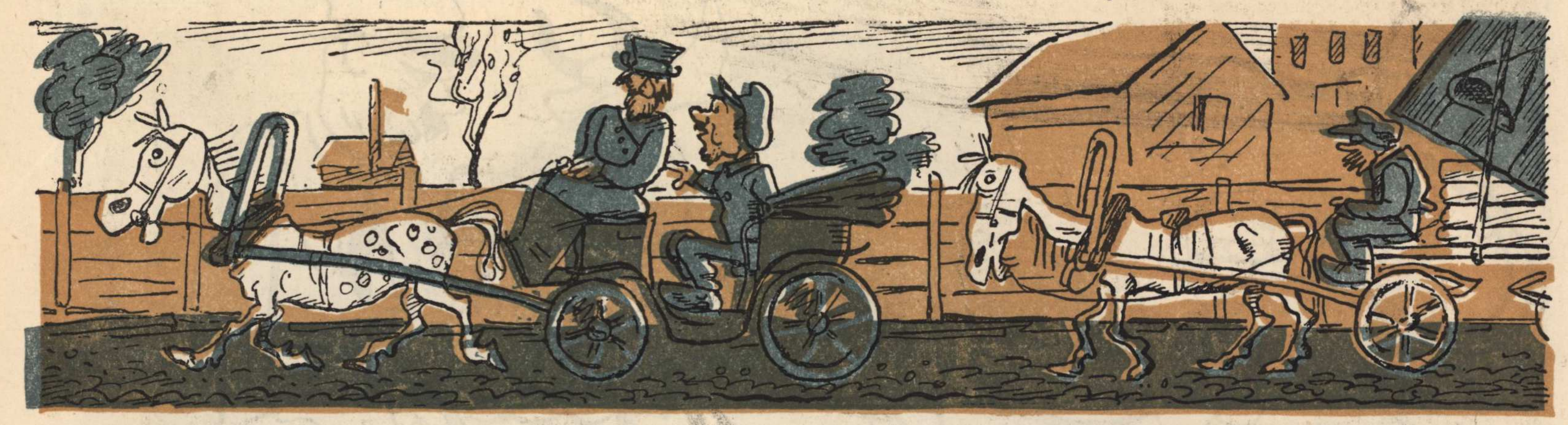
— Я их всех гуртом запишу, — говорит он,—а ты неси к отцу Александру Введенскому. Пущай он разберет, кто здесь живой, кто мертвый. А я этих самых делов, хоть убей, не понимаю.

Нве

ГОТОВЫЕ И НА ЗАКАЗ

Рис. И. Радлова

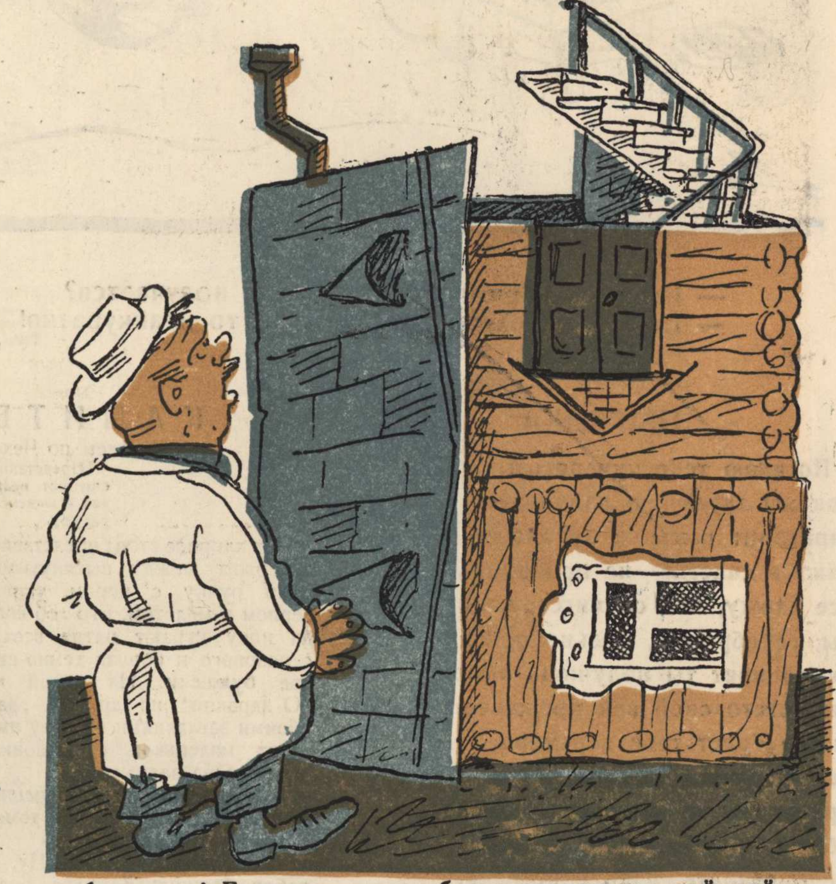
В Кинешме открыта фабрика переносных деревянных домов...

— Направо, к подъезду!
— Дык, гражданин, направо никакого подъезда нет...
— А вот сейчас ломовой выгрузится: будет.

— Карраул! Православные! Крышу уперли!

— Ах, чорт! Говорил жене: беспременно на чай дай, когда собирать будут. Пожадничала, дура баба..

— Дяинька! У вас по частям продаются дома?
— Можно... Тебе крышу или парадное крыльцо?
— Нам, дяинька, штепселек бы электрический...

— Граждане! Товарищи! Окромя вас—больше не к кому. Сделайте нам управдома хорошего—за деньгами не постоим!

ПОЛЬЗА КУРОРТОВ

Рис. В. Козлинского

— Я, душечка, в первый же день пребывания в Сочи потерял 20 фунтов... *(После паузы)*. А, может, их у меня еще в вагоне сперли, подлецы!

НЕДОРАЗУМЕНИЕ

— Иван-то Иваныч наш! Все с начальством: куды они, туды и он!

— Что он пост что-ли ответственный занимает?

— Не... Шофферы они...

ЖИЗНЕННЫЙ ОТВЕТ

— Что же это? Я вчера у вас купил пальто, а сегодня все петли оборвались!

— У нас, гражданин, СССР, а не Болгария! Ежели вам петля покрепче нужна, поезжайте туда!

40 ЛОШАДЕЙ и 8 ЧЕЛОВЕК

ЧТО ЗА КОМИССИЯ ЧИТАТЕЛЬ

„Шибко политграмотные“ люди открыты „на фармацевтических курсах при горздравотделе:—

На курсах преподается политграмота.
На днях специальная комиссия проверяла „успехи“ курсантов.
Проверяла довольно своеобразно.
Вызывает, например, курсанта Председатель проверочной комиссии показывает ему портрет Троцкого и спрашивает:
— Это кто?
Курсант бойко отвечает:
— *Троцкий и член президиума ВСНХ!*
Комиссия одобрительно кивает головой и ставит в рубрике политзнаний—„весьма удовлетворительно“.
— Следующий!
Подходит следующий товарищ. Ему показывают портрет Ленина.
— Это кто?
— Ленин,—громко отвечает курсант.
Комиссия ставит ему балл „весьма хорошо“.
— Следующий!
— Это кто?
— *Был заместитель Ленина, а теперь Рыков!*
— Ну, хватит на сегодня. Ребята кажись ничего... Знающие..

Небось комиссия на свой собственный коллективный портрет не поглядела:

Сидят трое умников за одним столом и экзаменуют.

А попробуй, покажи: это-мол-кто?

Ни в жизнь не догадаются!...

ГАЗЕТУ—В МАССЫ!

Этот действенный лозунг широко приветствуется рабочими Лесзавода „Социализм“. Гомельская „Полесская Правда“ рисует наглядную картинку:

Прогудел гудок на завтрак. Рабочие спешат в завком получить газеты. В помещении шум и крик.
На столе разбросаны газеты. *Каждый, кому желательно, берет чужую газету, читает, потом незаметно свертывает ее и сует в карман.*
А подписчик волнуется:
— Чорт возьми, где же моя „Правда“?
— Ты поищи хорошенько и найдешь, что зря шуметь. Смотри сколько газет:
И ребята выбирают.

Не даром говорится, что „Правда“ глаза колет: хочешь не не хочешь, а спрячешь в карман.

ДОСТОЙНЫЙ ПРИМЕР—

показывает, по словам Ростовского Молота

Председатель чеченского совпрофа:—

Сей ответственный работник,

снятый с должности за неуплату членских взносов за 12 месяцев, назначен завздравотделом Чечни. Не лишне сказать, что в медицине он ничего не понимает. Может ли быть польза здоровью чеченского народа от такого зава?

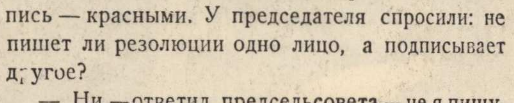
Единственный случай, когда человек вопреки пословицы, начал за „упокой“, а кончили „за здравие“!

Между тем, недовольный „чеченец точит свой кинжал“.

Бешеный народ...

„ДЛЯ ФАСОНА“

В с. Радловке (на Украине) в сельсовете заведен такой порядок: резолюции на крестьянских прошениях пишутся синими чернилами, а подпись — красными. У председателя спросили: не пишет ли резолюции одно лицо, а подписывает другое?

— Ни,—ответил предсельсовета,—це я пишу. Я—грамотный.
— Так в чем же дело?
— Дело в том... Як вам казать?.. Для фасона. Синими выведешь резолюцию, а красными сам соби и пидмахнешь! Зразумили?

Художник Н. Э. Радлов *) просит нас сообщить, что никакого отношения к деревне Радловке не имел, не имеет и иметь не будет и что к такой деревне, он, Радлов, лицом поворачиваться не намерен.

*)

ТЕМИРСКАЯ БЛАГОДАТЬ.

Есть такой городок Темир, дрянный городишко. Актюбинская „Стенная Газета“ сообщает с грустью о том, что—

В Темире городской сад ежедневно полон свиней, телят и *посещается даже верблюдами.*

А ослы, представьте, в городской сад не ходят. Ослы сидят в отделе местного хозяйства.

АМЕРИКАНСКАЯ ТЕХНИКА

Восхищает „Уральского Рабочего“:—

Что ни говорите, а Свердловск шагает семиверстными шагами вперед. Америка уж нам не пример. Что там? Техника, удобства?.. В магазин не ходи, позвони только—доставят все необходимое?
Знаем это. Сами десять Америк за пояс заткнем.
Примеры? Извольте.

7 час. вечера. Магазины закрыты. По Тургеневской несется автомобиль. У дома № 18 остановился, шоффер позвонил.
— Маша, луку пучек.. Мария Сергеевна послала за луком.
И, снабженный необходимым, *шоффер мчится на дачу, за 6 верст, к инженеру* Доменнову.
Удобства: пучек лука, на казенном автомобиле, за 6 верст.

А потом, глядишь, и самого инженера на казенном автомобиле повезут за 6 верст дальше...

Недаром ехидный лук обладает способностью вызывать слёзы.

НА РАСПУТЬИ

Находятся, по словам „Харьковского Пролетария“,—

Кондуктора ст. Мерефы, которые не знают, как обращаться к нач. станции Легезе.
Назовешь его товарищем, человек вне себя становится, из темперамента выходит. Гражданином—тоже не дозволяет. Говорит, это *благоазовское?* выражение.
Которым же выражением называть его?..

А по родителям пробовали, товарищи?

Впрочем, раз нач на „гражданин“ скверно *отзывается*, наш совет—*отозвать* гражданина совсем!

СИБИРСКИЕ ПЕЛЬМЕНИ

Рассказывает минусинская „Власть Труда“:

Пришла одна женщина в милицию попросить избавить ее от сына, который грозит ей „отвернуть голову“ и „поджечь избу“.
Начальник милиции, вместо того, чтобы выслушать ее, заорал:
— *Чего лезешь сюда? Ведь он не сжег еще избу и голову тебе не отвернул...*

Напрасно горячитесь, товарищ начальник: захотите, в случае беды, голову приладить гражданке, а головы-то и не будет. Отвернет ей сын!

Как пить дать, отвернет!!

А ПОЧЕМУ ОН ТАКОЙ?

Он, сын, который грозится голову отвернуть. От некультурности, граждане.

А почему—некультурность?

В нардом не ходит.

А почему не ходит?

А вот почему:—

Восточенцы—народ крепкий, нельзя сказать, чтобы зажиточный но живут все таки хорошо.
В селе есть Нардом и изба-читальня. Да только одна беда, что *нардом днем посещают... коровы.*

Недаром сказано:

Блажен Уик, иже и скоты милует!...

АФИШНЫЙ ТРЮК

Ульяновский „Рабочий Путь“ приводит образцовую афишу, выпущенную в глухой провинции:—

НАРОДНЫЙ ДОМ

12 июля, в 12 часов дня откроется пленарное заседание УИК'а.
Приглашаются все члены ВИК'а, сельсоветов и частные граждане.
„В главной роли Мэри Пикфорд“.

Бросились должно быть частные граждане, сломя голову, на заседание и... напрасно: Мэри Пикфорд не выступала на пленуме УИК'а: просто-на-просто тетка Аксинья виновата: не иначе как две афиши вместе склеила. Глупая баба!...

КОМСОМОЛЬСКИЙ ДОН ЖУАН

Работа среди женщин в Сталинградской губернии определенно хромает. Таково наше заключение из нижеследующей заметки „борьбы“.

Секретарь комсомольской ячейки хут. Гурова, УМО, Кацубин *во время собрания писал девушкам любовные записки.* Девушки дали ему отпор. Кацубин так озлился, что предложил одному из комсомольцев выгнать всех девушек с собрания.

По мнению уважаемого секретаря, это значило—вовлекать девушек в женработу.

Проявляй после этого свою активность!

СЕМЬ И ОДНА

Сталинградская „Борьба“ с грустью отмечает, что

В больнице № 5 на поселке им. т. Рыкова—*только одна няня.* Ей приходится ухаживать за всеми больными: заразными и незаразными. Она, например, подает обед легко больным и сейчас же бежит к тифозным, малярийным и т. п.

И получается: у одной няньки семеро—без носа!

А нянька—без ног.

Полное расстройство компенсации, как говорит Здравотдел.

ЖАРА, ЖАРА...

В Баку летом невыносимая жара, влияющая на умственные способности местных жителей: „Бак. Рабочий“ сообщает, между прочим:—

Подал некий гражданин в НКВД саявление о выдаче заграничного паспорта. Вызывают этого гражданина через несколько дней в НКВД. Обрадовался—пошел. Ан, оказывается, всего на всего у него *узнать хотел, какой губернии, город Великие Луки, где он некогда, жил.*

Далеко от Великих Лук до Азербайджана, а географии, простите у них не проходят. Особенно, в жару.

ДОСТУПНЫМ ОБРАЗОМ

Отпраздновала некая власть на местах 6-ю годовщину изгнания Колчака. По словам „Сов. Правды“ (Челябинск),—

Сельсовет села Черноярского, Воскресенского района, в ознаменование дня 6-й годовщины освобождения Урала от Колчака, *устроил грандиозную попойку и картежную игру в сельсовете.*

Эх, братцы! что с того, что Колчака прогнали, а самогон гоните и никак выгнать не можете?

Одни надежды—на 40°.

ВЫРОСТЕШЬ, САША, УЗНАЕШЬ...

Рис. А. Радакова

— Няня, куда его ведут?

— А вот, когда ты выростешь большой, получишь образование, поступишь на хорошее место, и тебя так поведут.

ЗАВОЕВАНИЕ ТЕХНИКИ

Ну, и далеко же нам до Америки!

Скажем, религия. Что сделано в этой области у нас и у них? Какие технические усовершенствования?

У нас, граждане,—кустарная постановка дела.

Загляните, любопытства ради, в какую нибудь живую или мертвую церкву?

Что вы там увидите? Вы увидите убогую, лишенную комфорта обстановку: ни мягкой мебели, ни хорошей музыки.

Гнусит поп, гудит дьякон, чего-то подвывают певчие.

Единственно, в чем налицо завоевание современной техники—это электрические свечи.

Однако же, и тут электрификация не доведена до конца: в люстрах и канделябрах—электричество, а верующие ставят к иконам восковые свечи.

Почему такое? Почему не электрические лампочки, от которых ни грязи, ни копоти святому в нос?

Ясно, почему: по причине нашей технической отсталости.

Теперчи, граждане, станем на минуту лицом к американской церковной технике.

Недавно прочитал я в „Красной Газете" такое сообщение:

„Во многих церквах Америки устроены особые богослужения для курящих, в виду продолжительности службы и невозможности для многих обходиться так долго без табаку".

Вот это, так сказать—*ей-богу*, хорошо!

Будучи курящий, всецело приветствую это нововведение и рекомендую его нашим отсталым попам.

Дорогие попы, малоуважаемый опиюм народа! Вы спросите—как практически осуществить такую насущную меру?

Господи-ж! да очень просто.

Скажем, две церковки: одна —Успенья, другая —Преображенья!

То пущай Преображенье—для курящих, а Успенье—для некурящих.

Или наоборот.

И присобачьте на дверках надписи, чтобы некурящая верующая к курящим не влипла.

А то еще можно всю церкву напополам перегородить, а поп будет один на два фронта.

Покадит-покадит у курящих и айда!—к некурящим.

И для попа, граждане, — облегчение. Может, ему страсть до чего охота „Невой" или „Сафой" побаловаться.

Может, у него даже в горле сосет и челюсти сводит, а изволь это самое, хошь не хошь,—„подай, Господи" вопить.

Может, он вопит „подай, Господи", а сам рассуждает: „подал бы ты хоть махорочки".

— Но,—как известно, что с бога взятки гладки, то и выходит одна горькая неприятность.

При наличии же церковного купе, сейчас—папироску в губы и пущай себе колечки под кумпол.

Докурил, притушил окурок о сапог и валяй опять к некурящим

Прямо скажу,—радужные перспективы!

Теперчи насчет мебелишки. Не хорошо это—в стояк молиться. Ноги, небось, не казенные.

Иной богомолец стоит—стоит, переминается с ноги на-ногу и взомлеет.

На коленки бултыхнется, а на коленках опять же долго не выстоишь, да и брючки мнутся.

Может, в рассрочку приобресть какую нибудь венскую мебель? А нет, то предоставить верующим приходить со своими стульями или скамеечками.

Американцы, небось, давно на мягких диванах посиживают, а который миллионер побогаче, тот, гляди, и кроватку пружинную притаскивает.

Недаром говорится: „бог-то бог, да и сам не будь плох!"

Дальше, граждане, намечается еще целый ряд технических усовершенствований.

На первом месте, конечно, радио-приемник с громкоговорителем.

Это великое изобретение, будучи пристроено, скажем, на клиросе, внесет большое оживление как в живую, так, тем более, и в мертвую церкву.

По углам желательно поставить ларьки табтреста. Скажем, забыл богомолец табачок—ан, тут под рукой полный выбор по казенной цене.

Восковые свечи пора сдать в архив, перейдя на электрические лампочки.

И которая бабонька желает господу уважение сделать, то пущай покупает и ставит лампочку в пять свечей.

За пять-то свечей, взамен одной восковой, и почет на небе другой.

А торговец, который по первому разряду патент выбирает, так он, братцы мои, Николе-Чудотворцу-то, может, и целую полуватную экономическую в сто свечей выставит.

Богу-то, котораго нет, оно всё равно, а республике доход.

А еще, братцы...

— Ах, ты, охальник. Довольно! Обожди чесать! Чего надумал: церкву на манер клуба! Да из такого места хоть святых выноси!

И правильно, бабушка! Верное слово сказала:

Выноси святых на чердак и клуб делай!

От клуба человеку польза, а от святых?

Бесполезная трата времени!

Ив. Прутков

ПРОСТАЯ МУДРОСТЬ

**На тротуаре у канала,
На тачку нагрузив гранит,
Рабочий нового закала
Стоит, как твердый монолит.
Стоит в одних портах, похожий
На африканца у костра.
Видна под бронзовою кожей
Железных мускулов игра.
Сложивши каменную ношу,
Закуривает он. И вот,
Исполнен завистью хорошей,
Вдыхаю я здоровый пот.
Я тоже встал бы на карачки,
Манишку сбросив и пиджак,
Чтоб целый день потеть у тачки,
Не как поэт, а как батрак.
Но вряд ли будет мудрость в этом...
Когда не можешь, им под стать,
Ворочать камни,—будь поэтом
И постарайся не мешать.**

Д. Цензор

ПОСТРАДАВШИЙ

— У нас завком лодыря гоняет!

— Это худо!

— Еще бы не худо, как меня в первую очередь и погнали!

К ДВУХСОТЛЕТИЮ

— Не пойму я, как это все академики такие образованные люди, и никто из них эту самую академию наук кончить не может!

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ КАССЫ

— О, я так любила этого кассира, и когда он ушел, чтобы больше не возвращаться, у меня внутри появилась такая пустота, что сказать трудно.

ПРОФ-БОЛЕЗНЬ

— Эх, переутомление у меня ужасное!

— А ты на комиссию сходи!

— Вот чудак! У меня и переутомление-то оттого, что я ежедневно в пяти комиссиях участвую, а ты мне еще одну предлагаешь!

БЕЗ ЗАГЛАВИЯ *)

(К открытию аксезона).

В акдраме сегодня в 925 раз должна была итти пьеса „Бедность не порок". Пьеса должна была итти, но публика в театр итти и не думала, несмотря на то что время приближалось к восьми. У подъезда тускло, точно снежные комья, маячили матовые фонари, а вместо извозчичьих пролеток, на крыше стояла всего одна колесница, запряженная сто лет тому назад четверкой бронзовых коней.

— Нда!—сказал резонер кассирше. Резонер сидел в кассе и иронически поглядывал на пыльный, валявшийся на полу, аншлаг „Все билеты проданы".

— Нда!—повторил он—хоть бы один чорт какой нибудь пришел!..

Но чорт не приходил, а вместо него к кассе неожиданно подошел гражданин и спросил:

— А что, билеты остались еще?

Кассирша вздрогнула и почтительно приподнялась к окошечку. Резонер выбежал из кассы и, влетев за кулисы, закричал:

— Пришел! Пришел! Зритель пришел!

— А вы не врете?—строго спросил режиссер, чувствуя что его бросает от неожиданнаго известия в жар.

— А какой он из себя?—наперебой интересовались артистки.

— Ничего! — разъяснял резонер — мужчина видный такой. И в глазах у него что-то такое всеволодомейерхольдовское есть!..

За кулисами поднялась суматоха: гримеры спешили наложить последние мазки, артисты дрожали легкой артистической предзанавесной дрожью.

В вестибюле зрителя окружила толпа капельдинеров.

— К нам пожалте! Пожалте к нам!..

— Сколько за хранение-то?—робко спросил он, подавая в услужливые руки пальто и шапку.

— Пустое-с!—улыбнулся счастливец капельдинер—просто за честь сочтем! В кои-то веки сохранять доводится!..

— Что, давать третий звонок?—спрашивал помреж у режиссера.

Режиссер смотрел в бинокль сквозь занавесную дырочку и тревожно сказал:

— Да где же это он?

— В уборную они ушли—успокоительно прошептал реквизитор. — Сейчас пожарники говорили!..

— Ну что ж, подождем—примирительно сказал режиссер и добавил, обращаясь к помощнику:

— А вы вот что, Иван Николаич! Идите и подсядьте к ним инкогнитой такой. А то, неровен час, уйдут еще они, не дождавшись конца.

— Надо бы, собственно, делегацию отправить—посоветовал член месткома.

Но делегацию не отправили, а через десять минут, когда зритель пришел в зал, дали занавес. Рядом со зрителем, поискавши для солидности место, сел помреж. Через пять минут, он с ужасом заметил, что зритель уже начал зевать.

— Скучно?

— А то как: конечно скучно. Хоть бы спели что нибудь, что ли?

— Что вы! Ведь, это ж драма, а не опера?!

— Все равно. А то, чесслово, я уйду домой. Знал бы, так не приходил.

— Споем! Скажите ему, что споем что нибудь—взволновался режиссер, выслушав помошника.

Во втором акте, несмотря на экстренно введенные ариэтки из „Марицы", зритель зевал и грозился:

— Уйду я сейчас в буфет. Чесслово, уйду. Прямо, тошнехонько мне...

Из буфета принесли в зал чаю и бутербродов. Зритель пил чай и наглел требованиями. Ему уже даже обещали возместить стоимость билета и отправить домой на извозчике. А перед концом режиссер предложил ему ангажемент:

— Будьте у нас постоянным зрителем. Сила воли у вас есть: всю „Бедность" все таки высидели. Ставку вам персональную выправим. В сорабис проведем...

Зритель чесал затылок и, боясь продешевить, вставлял свои условия:

— И чтоб выходной день и спецодежду тоже. Все таки, ведь, вредная профессия!..

Артисты провожали его толпой. А режиссер, подсаживая на извозчика, дружески даже хлопнул его по плечу:

— До завтра, Василий Николаич! До завтра! Завтра у нас „Гроза" в 1925 раз идет! Тяжелый день для вас будет!..

Вл. Тоболяков

*) По поводу этого рассказа спор у нас в редакции был. Одни говорили: оставить заглавие „Зритель". Другие предлагали: назвать „Репертуар". Предлагаем читателям оба заглавия—на выбор. Что кому понравится.

Всем! Всем! Всем!

(А особливо эстонскому правительству)

Вышеизображенный советский кочан очень просит не смешивать его с К. Пустой.

Даже не однофамильцы, честное слово!

КАКОВЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ НАДПИСИ?

Заинтересовавшись вопросом, какое сочетание цветов наиболее выгодно в надписях, американское Bureau of Standards произвело специальное исследование.

Показали зрителям надпись желтым по черному.

— Брр... — сказали зрители.

Белым по красному.

— Фуй! — сконфузились зрители.

Белым по зеленому. Белым по черному.

— Тьфу! — заметили зрители дружно.

Зеленым по белому.

— М-да... ничего...—решили зрители, сощурив глаза. Но нет ли сочетания лучше?

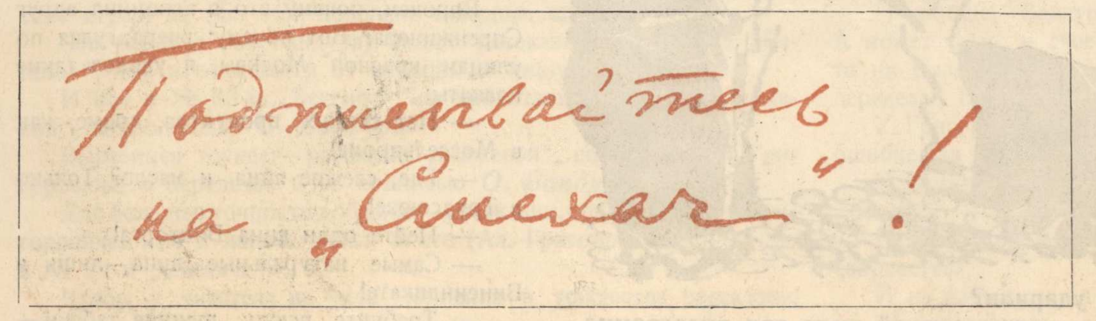
И тогда написали красным по белому.

— Восхитительно! Великолепно!—послышался единогласный крик.

И стотысячная толпа зааплодировала.

Мы недоверчивы. Мы решили проверить американские изыскания.

И вот пишем красным по белому:

Смотрите - ка, а ведь, честное слово, очень хорошо выглядит!..

И сто тысяч подписчиков нам обеспечено!

СПРЕНЖИНЕР И ЕГО МЕТОД

Это было очень давно... Случайно пришлось мне посетить Одессу... Всё показалось мне в этом городе интересным! Но—самым интересным был, безусловно, Спренжинер.

Я стоял на перекрёстке двух лучших одесских улиц, и характерный гортанный шум бурного городского котла окружал меня. И вдруг, какой-то писклявый тенорок донесся до моего слуха:

— Что? Вы не знаете старинной фирмы Балагулова и К-о? Тогда, простите, мне даже неловко! Я хотел бы иметь столько копеек за всю свою жизнь, сколько пуговиц пришивается этой солидной фирмой каждую минуту к выделываемым ими рубашкам? Принц Монакский страдает бессоницей, когда он спит не в рубашке Балагулова и К-о! А, если вы подумаете сравнить эти многоуважаемые рубашки с рубашками какого-нибудь голоштанника Шевелёва, то вы увидите, что это за разница, которую ни один рак никогда не съест! Что может быть мечтательнее фирмы Балагулов и К-о—Арнаутская 6, второй этаж!?

Человек, хваливший фирму Балагулова, усиленно размахивал руками. В его тоне сквозила дикая уверенность в своей правоте. Правда, он говорил об этих рубашках более экспансивно, чем требует обыкновенное удовлетворение бельем, но я не знал Одессы и потому послушался убедительного оратора. В тот же день я купил комплект белья у фирмы Балагулов и К-о...

На завтра довелось мне опять побывать на том же углу, где горячился писклявый тенорок... Кругом было страшно шумно, но через весь шум и гам я услышал нотки знакомого голоса. С непередаваемой страстностью голос этот скрипел:

— Ребенок вы! Разве обязательно нужно быть одесситом, чтобы знать лучший магазин белья Якова Шевелёва? Разве в Африке каждый слон не знает Шевелёва? Всякое тело, которое купается, минимум, раз в три месяца, должно изъявить горячий протест, если его не облачают в рубашки Шевелёва—Симферопольская 8, вход со двора... А говорить про этого прощалыгу Балагулова, когда жив еще Шевелёв—это тоже самое, что мазать хлеб г талином, вместо паюсной икры!!!

Я был ошеломлен! Я знал, что вкусы у людей меняются, но не в течение суток... В конце концов, я сам стал жертвой отвратительного Балагулова. Вчерашняя сорочка жгла мое тело, а внутренний голос шептал мне: иди немедленно к Шевелёву, а Балагуловскую дрянь выбрось в Лиман...

Но я не пошел к Шевелёву, а обратился к писклявому тенорку:

— Слушайте! Что всё это значит? Вы орете каждый день другое, вы смущаете приезжих, вы возбуждаете одну часть населения против другой, чорт вас возьми!

— Очень приятно. Спренжинер—Шалашная 3,—ответил мне крикун.

— Что всё это значит? Вот что: рубашки Балагулова я буду хвалить до тех пор, пока Балагулов дает мне возможность иметь хоть одну собственную рубашку. А когда вчера вечером он мне сказал, что рубль в день за рекламу—это бешено много, так рубашки Шевелёва моментально улучшаются... Ай, что говорить! Вы думаете, все рождаются в сорочках? А у меня тоже дети, которые больше любят хлеб, чем халву, только потому, что халву они еще, вообще, ни разу не ели! Своя рубашка ближе к телу—закончил он и убежал...

Через минуту я слышал опять, но уже с другого угла:

— Что? Вы не знаете Шевелева?—и т. д.

Впрочем, почему это я вспомнил вдруг Спренжинера? Вот почему: вчера, гуляя по улицам красной Москвы, я увидел такие плакаты:

— Нет свежих продуктов, кроме, как в Моссельпроме!

— Где, свежие яйца и масло? Только в Трудсоюзе!

— Пейте одни вина Винторга!

— Самые натуральные вина—лишь в Винсиндикате!

— Требуйте всюду лучшие табаки—Укртабтреста!

ОТЦЫ И ДЕТИ

— Вы присуждаетесь платить ежемесячно на содержание вашего ребенка, впредь до совершеннолетия...

— А до чьего совершеннолетия, гражданин судья, моего или ребенкина?

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

В Главную Палату мер и весов поступило интересное изобретение тов. Трушкова—новые весы. Особое приспособление позволяет им автоматически контролировать правильность взвешивания посредством звукового сигнала. При обвешивании—такого сигнала не получается.

Рис. Н. Э.

— Господи! Никак ко всенощной ударили?

— Брось, тетка! Это Иван Сидорыч управдомовой жене три килограмма свесил.

Рис. А. Юнгера

В Одессе, в увлечении футболом, имеются даже футбольные команды улиц.

— Ну, братцы, таперича держись: „Клара Цеткин“ на „Молдаванку“ попёрла!

— Самые ароматные папиросы—Крымтабтреста!

И, увидав всё это, я подумал: неужели трудящемуся не безразлично, курит ли он за свой пятиалтынный крымский или украинский табак? Неужели вино Винторга лучше Винсиндикатовского? Да смеют ли продукты Моссельпрома быть свежее продуктов Трудсоюза? Если да, то немедленно надо закрыть такие предприятия, как Трудсоюз! Ведь, это уже убыток государству, а не Балагулову! Ведь, если Мосшвей продает дешевле Центротекстиля, то это значит, по-моему, что и товар его хуже и что это трюк Шевелёва, а не плановое рациональное снабжение...

Впрочем, я не хозяйственник, я в этом мало понимаю. Быть может, деловые предприятия, предвидя многие великие задачи, нуждаются в Спренжинере, а потому, желая принести им некоторую пользу, я напоминаю адрес:

Одесса—Шалашная, 3.

М. Коварский

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

ОБ ОДНОЙ БАНДУРЕ

Есть бандуры, на которых играют. И есть Бандура, которая сама играет и, при том, довольно скверные шутки.

Эта бандура (О. Бандура) пишет рассказики в журнале „Бегемот“, чем и отличается от первой, не пишущей рассказы.

И вот в № 33-м „Бегемот“ мы прочитали рассказик „Межевой“, за подписью *О. Бандура*.

Выразимся точнее:—рассказик „Межевой“, сочинения Ал. Григоровича, в переделке и за подписью *О. Бандура*.

Для большей точности добавим:—рассказик, присланный Ал. Григоровичем нам и напечатанный за его (Ал. Григоровича) подписью в № 24-м „Смехача“.

Чтобы у читателя не было сомнения в тождестве рассказов, приводим цитаты:

У Ал. Григоровича в „Смехаче“

МЕЖЕВОЙ

(Рассказ земляка)

Приехал, веришь-ли вертлявый такой, прыщеватый — походил вокруг деревни недельки две, аппаратиком померял, понятых поводил— потом говорит:

— Готово!

— То-есть, как это, спрашиваем, готово? В две-то недели? Нельзя-ли, говорим, получше?

— Нельзя,— говорит: — Сделано, как надо! Да я уж и планы в уезд послал.

— Ну, мы видим: соврать хочет прыщеватый. Не может этого быть, чтобы в две недели—и вдруг весь обмер кончен! Мы в уезд семь лет гоняли, а он в две недели: обидно, веришь-ли, даже. Молод ты, думаем, нас морочить-то: пятачек еще не обсох! Выставили четверть.

У О. Бандуры в „Бегемоте“

МЕЖЕВОЙ

Приехал, знаете, вертлявый такой, с кокардой, а фамилия ему Прыщ. Вышел в обед в поле, походил чего-то, а на завтра, знаете, приходит в совет и говорит:—готово!

—То-есть, как это,—спрашиваю:— готово? Мы, говорю, сто лет ждали. Нельзя-ли говорю, как следует?

А он:

— Нельзя!

Я, видите, тоже не лыком шит, при старом режиме старостой был и в городе в курьерах три года. Сам, знаете, человека насквозь вижу и вежливо говорю:

— Не подмажешь—не поедешь! Не угодно-ли?

А он:

— Как не угодно? Очень, говорит, даже приятно встретиться и чтобы было покрепче...

Как видите, заглавие одно и то же. И там и здесь речь идет об одном и том же межевом.

И слова, чик-в-чик, одни и те же.

Только у Григоровича межевой—лицом прыщеват и Алексей-Алексеевичем именуется. А Бандуре не понравилось имя-отчество: Александр-Иванычем назвал, а по прыщеватому лицу снабдил фамилией *Прыщ*.

И вообще, Бандуре не понравилась вся фабула рассказа. А может быть, и свое творчество проявить захотелось. Как бы то ни было, но межевой Григоровича, деловой непьющий человек, переделан Бандурой в пьющего бездельника.

У Григоровича— крестьяне спаивали межевого, приняв его, по ошибке, за пьяницу.

У Бандуры наоборот: межевой обманом вытягивает у крестьян самогон.

Не соблаговолит ли О. Бандура объяснить нам тайну своего творчества?

И не забыл ли он точного толкования слова: плагиат?

Ждем ответа.

Издатель: „ГУДОК“ Ответственный редактор А. С. Андрейчик

Ленинградский Гублит. № 18354 Типография „Инвалид Печатник“, Ленинград, Улица Воинова, 26. Тираж 60.000.

НЕ РОЙ ДРУГОМУ ЯМУ, КОГДА ВЫРАБАТЫВАЕШЬ ПРОГРАММУ

Рис. Н. Радлова

Во Франции создан проект орудия необычайной дальнобойности. Из него можно будет, например, обстрелять из Парижа Ленинград.

1

Мусью Бриан ужасно рад:
— А ну-ка, двинем в Ленинград!

2 3

Снаряд летит... Снаряд свистит... Ужасный вид! Кошмарный вид!

4

Природе слава и хвала:
Коперник прав! Земля кругла!

Теперь то я, братцы, знаю, почему меня на последнюю страницу не пустили: там какой-то идиот из дальнобойной пушки шпарит!